

18+
Галина Сафонова-Тирус

Мои
ПРЕДКИ

КРЕСТЬЯНЕ

Галина Галина Сафонова-Пирус

Мои предки крестьяне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64575601

ISBN 9785005345806

Аннотация

Эта книга написана по рассказам моей мамы, Сафоновой Марии Тихоновны (1903—1994). Было ей 14 лет, когда традиционные устои жизни стали рушиться, так что всё трудности эпохи социализма прошли через её жизнь. В тексте сохранён местный выговор (Брянская область).

Содержание

ОТЕЦ, САФОНОВ СЕМЁН АФОНАСЬЕВИЧ	6
МОЯ МАТЬ, САФОНОВА МАРИЯ ТИХООНОВНА	52
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Мои предки крестьяне

Галина Галина

Сафонова-Пирус

Мария Алексеевна Каченовская *Дизайнер обложки*

© Галина Галина Сафонова-Пирус, 2021

© Мария Алексеевна Каченовская, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-4580-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Несколько лет, наездами в родной Карачев, записывала в тетрадь, а иногда и на репортёрский магнитофон, который, будучи режиссером ТВ, иногда брала на работе, короткие рассказы мамы о жизни. И делала это просто так, для своих детей, но потом подумалось: а не «сшить» ли из этих эпизодов «лоскутное одеяло», которое послужит не только моим детям, но и тем, кто захочет узнать о том, как жилось просто-му человеку при социализме? Ведь маме «повезло» быть ровесницей этого периода жизни России (1903—1994). Конечно, из этих «лоскутков» могла бы своими словами написать

повесть о жизни матери, но всё же решила: надо сохранить местный выговор, слова, произносимые зачастую «не литературно», ибо как раз это и придаст своеобразную, нужную интонацию тексту. И спустя несколько лет появится книга под названием «Ведьма из Карачева», в которой, кроме жизни рассказчицы, раскроется панорама жизни простого человека России в 20 веке. По этой же повести напишу и эту книгу, в которой, (опять же по рассказам мамы) составит жизнь моих предков, так что, если читатель встретит повторы некоторых эпизодов, то лишь потому, что у меня не поднялась рука их выбросить, – рассказ о жизни того или иного персонажа оказался бы не полным. ¹

А были мои предки как по материнской, так и по отцовской линии крестьянами и не крепостными, а государственными или экономическими, – из бывших монастырских и церковных крестьян, – и земля, на которой работали, считалась государственной.

---

¹ Карачев – районный город. Брянская область.

ОТЕЦ, САФОНОВ СЕМЁН АФОНАСЬЕВИЧ

Читаю копии из областного Архива: «1772 г. Ревизская сказкаэкономических крестьян слободы Рясника. Иван Сергеев сын, переведен из д. Байковой того же ведомства. У него жена Устинья. Взята из слободки Рясника, написанной в последней 3-й ревизии. У них дочь, рожденная после ревизии Настасья полугодка...»^{2 3}

И то имена моих предков по отцовской линии. Так кем же были экономические крестьяне того времени? Но вначале узнаю: как и с какого времени стал складываться класс крестьян, так что выручай, Интернет!

«Издавна из Днепровского бассейна к северу и востоку за Волгу и Оку продвигались поселенцы, посреди лесов и болот отыскивали сухие места, открытые пригорки, выжигали леса, выкорчёвывали пни, поднимали целину...» И вначале

---

² Ревизские сказки – документы, отражающие результаты проведения подушных переписей (ревизий) податного населения Российской империи в XVIII – I-й половине XIX веков, проводившихся с целью налогообложения и представляли собой поименные списки населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия

³ Слободы – первые упоминания в X – XI веках. Поселения, освобождённые от государственных повинностей, отсюда и название «слобода» – свобода, свободное поселение.

селились они отдельными дворами, где после смерти отца одни сыновья оставались в «селе», а другие уходили на новые места, где и возникали однодворные деревни-починки, превращаясь в маленький двухдворный или трехдворный поселок «с пожнями и дворы, и дворища и орамых земель, и с притеребы, и с рыбными ловищи и со всеми угоды.» А границы деревни тогда не обозначались, простора было много, и определялись тем, «что к той деревни потягло из старины, куды и серп и топор и коса и соха ходила из тое деревни».^{4 5 6 7}

Значит, и не столь давние предки мои – прадед, дед, – пахали всё той же сохой, как рассказывала мама:

«Хватало мужику работы зимой, летом, осенью, весной. Бывало, как только снег сойдёт и земля чуть прогреется, вот и начнется пахота. А пахали-то сохой... и сажали под соху, это только потом плуги пошли, те уже на колесах были, а соху-то в руках надо было держать, вот и ну-ка, потаскай ее целый день! Посеить мужик... не перевернулся – сорняки полезли, полотье подошло, а тут уже и картошку окучивать надо, а её по два раза сохой проходили, межи-то во о какие нарывали! Вот потом она и выростала с лапоть. Чего ж ей было такой не расти?» На навозце, земля – что пух.

---

⁴ Пожити – луг с покосом и лесом.

⁵ Орамых – пахотных угодий.

⁶ Притеребы – расчищенные земли.

⁷ Ловище – место для звериной и рыбной охоты.

Ступишь на вспаханное поле, так нога прямо тонить в земле-то!.. А покосы начнутся, жатва подойдёт? Ох, и трудная ж это работа была – хлеб убирать!.. Но хорошая жница за день до двух копён нажинала, а в каждой – по пятьдесят одному снопу, по пятьдесят одному потому, что последний сноп на самый верх стоймя ставился колосьями вниз, чтоб видно было: копна готова. А если рожь сырая была, возили ее сушить на рыгу, привязуть и как расставють эти снопы! Тут уж дед цельными днями и сушить её, топить соломой или суволокой, и только потом молотили её, обмолачивали и в хороший год пудов по десять с копны намолачивали. Оставляли сжатую рожь и до осени, если не управлялися, сожнуть ее, а потом и связуть в сараи и обязательно кладуть адонки под неё из дядовника, чтобы мыши не заводились, а когда управлялися с урожаями, тогда и начинали молотить. Перевезуть эту рожь на рыгу, наладють печку, снова сушуть и молотють. И какой же потом хлеб душистый из этой ржи получался!»^{8 9}

Фото из Интернета.

Но снова – к пращурам.¹⁰

Вначале владения крестьян были свободными заимками, – земля была «ничья» или «божья», – но позже князья стали объявлять её своей и, хотя крестьяне стали платить налоги, но всё еще верили: «Земля царева и великого кня-

---

⁸ *Суволока (местное слово) – сухая ненужная трава или ботва от картошки.

⁹ Адонки – слой дедовника, укладываемый под снопы от мышей.

¹⁰ Пращур – прародитель, предок, праотец, родоначальник.

зя, а моего владенья, и роспаши наши и ржи наши... и та деревнишка от веку вотчина дедов наших и отцев наших». Но в последующие века владельцев земель государственных или монастырских становилось всё больше, – «сила покоится на богатстве», – и крестьяне превращались в арендаторов или холопов, в XIV—XV веках основной массив уже составляли слободы с крестьянами черных или тягловых (государственных) волостей, а к началу XX их стало около 80% населения Руси. И были они низшим неравноправным сословием разных категорий: приписные – феодально-зависимые, обязанные вместо уплаты оброчной и подушной подати работать на казённых или частных заводах, фабриках, – прикреплялись (приписывались) к ним; принадлежащие дворянам-помещикам; дворцовые или удельные – принадлежавшие лично царю и членам царской фамилии (их земли назывались дворцовыми); черносошные – не были лично зависимыми и несли тягло в пользу государства; помещичьи (наиболее многочисленные) – крепостные, а вот экономические – государственные крестьяне (к которым и относились мои предки), образовались из бывших монастырских, церковных крестьян, а также указами Петра первого были закреплены из остатков не закрепощённых черносошных крестьян, однодворцев, беглых крепостных, нерусских народностей с завоеванных территорий и конфискованных церковных владений, так что, как говорила мама, «крепостными наши деды и прадеды никогда не были и государственные кре-

стьяне рассматривались как свободные сельские обыватели, имеющие юридические права, – могли выступать в суде, заключать сделки, владеть собственностью, – им было разрешено вести розничную и оптовую торговлю, открывать фабрики, заводы, предприятия.

«С 1801 года экономические крестьяне могли покупать земли на правах частной собственности „ненаселёнными“ (без крепостных) и были обязаны вносить деньги на земские нужды, платили подушную подать и отбывали натуральные повинности (дорожную, подводную, постоянную, ямскую, а за исправное несение повинностей отвечали круговой порукой».^{11 12 13}

А чтобы полнее прорисовалась картина жизни моих предков до двадцатого века возьму и эти сведения:

«В начале XIX века в среде крестьян стали вспыхивать волнения против сокращения крестьянских наделов, тяжести оброков, и в 1837—41 годах было учреждено Министерство государственных имуществ, проведшее реформы, разработанные П. Д. Киселёвым, – крестьяне получили самоуправление, возможность решать свои дела в рамках сельской общины. Следующее реформирование было после отмены крепостного права Александром вторым в 1961 году,

---

¹¹ Постоянная повинность – обязанность принимать участие в постое войск.

¹² Ямская повинность – обязанность по перевозке почты, казенных грузов.

¹³ Круговая порука – обязательство крестьянских общин отвечать за исправный взнос.

но снова, как и в более ранние века, натолкнулось на сопротивление помещиков и не было реализовано, а в ноябре 1866 года был принят закон «О поземельном устройстве государственных крестьян», по которому «за сельскими обществами сохранялись земли, находившиеся в их пользовании на правах «владения», но выкуп был регламентирован, в результате чего наделы сократились на 10%, выкупные платежи возросли по сравнению с оброчной податью на 45%, но были прекращены с 1 января 1907 года при аграрной реформе Столыпина под влиянием революции 1905 года». ^{14 15}

С 1917 года началась другая история моих предков, – продразвёрстки, продналоги, разорение, голод, – и через одиннадцать лет самых работающих крестьян России стали «уничтожать как класс», а остальных закрепощать колхозами (паспортов сельским жителям не выдавали до 1974 года). Но снова возвращусь к архивным документам о предках отца: ¹⁶

«Из метрической книги церкви Обновления Храма Вос-

---

¹⁴ Граф Павел Дмитриевич Киселёв (17—172) – генерал-адъютант (1823), крупнейший реформатор царствования Николая, реорганизовавший государственных крестьян. Он стал предтечей освобождения крестьян от крепостного права в 1861 году.

¹⁵ Пётр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) – статс-секретарь Его Императорского Величества (1908), великий реформатор, губернатор, министр внутренних дел и председатель Совета министров, член Государственного совета.

¹⁶ «Уничтожить как класс» – лозунг при ликвидации русского крестьянства, начавшийся с 1927 года.

кресения Христова Карачевской бывшей Тихоновой пустыни: Бракосочетание. 1 ноября 1848 года. Слободы Рясника государственного крестьянина сын Никита Фристофаров Сафонов 26 лет и девица Мария Космина Нехаева 22 лет деревни Погибелки Косьмы Гаврилова дочь. Поручители по жениху: деревни Пастушки однодворец Дмитрий Никифоров Самодуров и слободы Рясника крестьянин Пахомий Алексеев Потапов; по невесте: отставной солдат Егор Семенов Нехаев и крестьянин Илья Николаев Нехаев... 20 апреля 1850 года родилась дочь Мавра государственного крестьянина слободы Рясника Христофора Иванова Сафонова и законной жены его Марфы Косминой. Восприемники: слободы Рясника государственный крестьянин Тихон Петров Черников и карачевская мещанская жена Марфа Иванова Измайлова... 1851 год. Восприемницей сына Федора у государственного крестьянина слободы Рясника Петра Васильева Логвинова была слободы Масловки однодворческая жена Пелагея Христофорова Пищулина».^{17 18 19 20 21}

---

¹⁷ Поручители – одна из сторон договора, которая берёт на себя ответственность отвечать за исполнение обязательства.

¹⁸ Однодворцы – сословие, возникшее при расширении южных границ Русского государства и состоявшее из военизированных землевладельцев, живших на окраинах государства и несших охрану пограничья.

¹⁹ Восприемник, крёстный отец, крёстный; крёстная мать, крёстная – духовные *Мещане – городское податное сословие, принадлежность к нему была наследственной.

²⁰ Мещане – городское податное сословие, принадлежность к нему была наследственной.

И взяла именно эти выписки из метрической книги потому, что из неё прослеживается положение государственного крестьянина по отношению к другим представителям русского общества: поручителями при бракосочетании Никифора и Марии были крестьянин и отставной солдат, воспитанником и воспитанницей при рождении дочери – крестьянин и мещанская жена, при рождении сына Федора – однодворческая жена. И из этого становится ясно, что жили тогда «представители» народных слоёв «на равных», хотя перед государством и несли разные повинности и о воспитанниках хочу оставить несколько слов отдельно, ибо вместе с ними почти канули в Лету традиции, которые они чтили.

«А были они крёстными отцами (крёстный), крёстными матерями (крёстная), между собой и родителями ребенка назывались кумовьями, с момента крещения становившимися духовными родителями, принимающими ответственность перед Богом за воспитание и благочестие крестника или крестницы. И надо было им научить своих крестников обращаться к таинствам церкви, посещать церковные службы, поститься, давать знание о смысле богослужения, а еще помогать в повседневной жизни, защищать от соблазнов и искушений, давать советы в выборе образования, профессии, супруга или супруги.»

---

²¹ Однодворцы – сословие, возникшее при расширении южных границ Русского государства и состоявшее из военизированных землевладельцев, живших на окраинах государства и несших охрану пограничья.

Сколько же мы потеряли в своём духовном содержании за семьдесят лет социализма! И возвратимся ли, найдём ли утраченное?

Но подходит к концу моё «расследование» об экономических крестьянах Сафоновых, а поскольку в русской генеалогии прямым считается родство по мужской линии, то назову имена тех, кто считается продолжателем рода по архивным документам, копии с которых мне выдали Областным архивом.

А пробандом был Сергей около 1720 года, далее – «Иван Сергеев 1747г. – 1807г. Христофор Иванов 1796г. Никита Христофоров 1822г. Афанасий Никитин около 1870 г. Семен Афанасьев 1903г.» И Семён – мой отец, а о моём деде Никите Христофорове (позже называли «Листафоровы»), мама рассказывала: ²²

«Крепостными мужнины предки никогда не были, а поэтому летом дома трудились, а зимой подражались к купцам в Брянске что-либо отвезти, – овёс, пеньку, вино, или еще какого товару. И этим занимались все обапальные деревни: Масловка, Вшивка, Трыковка, Песочня, Рясники. У кого лошади хорошие... что ж, стоять, чтолича будут? Ведь хлеб, картошка, масло, крупа, мясо свое было, а на расходы-то деньги нужны? Вот и ездили мужики в извоз».²³

---

²² Пробанд – лицо, от которого составляется родословная.

²³ Извоз – промысел, заключающийся в перевозке на лошадях грузов или людей.

Фото из Интернета.

Своего отца, Сафонова Семёна Афонасьевича (1903—1946), я почти не помню, – была совсем малышкой, когда он ушёл на войну, – а когда возвратился, то прожил с нами только около двух лет, – так что его образ «прорисую» рассказами мамы.

А родились они оба в деревне Рясники, что в двух километрах от районного города Карачева (Брянская область), так что с детства знали друг друга и в её рассказах есть два эпизода, в котором она впервые упоминает моего будущего отца.

1918 год.

«Как-то приходит к нам подруга и говорить:

– Давай-ка, Мань, булками торговать, вон как ребята этим промышляют!

А надо было за ними выезжать с санками часа в три ночи к пекарне, а в шесть утра подвезти к солдатским баракам, тогда ж война с немцем была. Вот и поехали мы с сестрой, подъехали к пекарне, набрали булок, повезли к проволоке... Выручка была хорошая, да и домой принесли еще тепленьких. Душа веселилася! А раз приезжаем так-то, а проволоки и нетути, да еще солдаты к нам кинулися и стали булки наши расхватывать! Кто сунуть деньги, кто – нет! Кричим с Динкой: ²⁴

– Что ж вы это делаете!

---

²⁴ мировая (28 июля 1914 – 11 ноября 1918) **Первая война**

А один и говорить:

– Ривалюция, девки, ривалюция!

И порасхватали наши булки моментом. Отошли мы в сторону, начали считать оставшиеся. Восемь булок уташшыли! Стоим, рассуждаем: и какая такая ривалюция?

А тут как раз мальчишки к нам подбегают, спрашиваю у одного:

– Семен, и что за ривалюция такая?

– Да это царя прогнали. Нет у нас больше царя»²⁵

«Ездили мы тогда на Украину по соль до станции Бахмут, туда как раз пульмановские вагоны ходили, и бывало, как дождёмся их в этом Бахмуте, так и наменяем соли. А чтоб ее не отобрали, вот что приладилися: возьмешь два куска холстины, нашьешь такими полосками длинными, набьешь в них соли и обвяжешься ими под грудь, вокруг рук, ног, так-то и едешь с этой поклажей суток пять. Если начнуть отбирать, то ташшуть-то мешки, а мы им зачем? Тормозить надо, развязывать, а грабителям же некогда... А Сенька, мой будущший муж, в кузне уже работал и вот что приладилсЯ делать: наденуть с ребятами шинели военные, поедуть, набяруть соли кусками, а когда наскочить отряд, то говорить: осторожно, это, мол, не соль, это квасцы для пайки железа, вот те и отстануть. Прохитренные ж были!»

Прошли годы, к маме стали свататься другие парни, но она любила соседа Сергея. Любил и он её, но его мать

---

²⁵ 5 марта 1917 отречение от власти царя Николая второго.

сватала ему подружку мамы, богатую Ольгу, и всё твердила: «Манька бедная, разута-раздета... надо будет одевать её, обувать... только на себя и станить работать. Не женись на ней! Выбирай: или она, или я!»

«А в ту пору за мной еще Семен ухаживал, но я не любила его. Зато мамке он нравился, и она всё-ё турчала:

– Во парень-то хорош! Ни за кого тебя не отдам, за него только. Да, слава Богу, что такой человек в тебе нуждается! Кто мы? Бедные, неграмотные... Да и характер у тебя чудачковатый, чего в тебе хорошего? Одна мордочка, и то черная, как у цыганки.»

Вот и просватали маму за моего отца:

«Не успела я и одуматься, как подошел день свадьбы. Прискакали лошади, посадили нас, повезли... А о свадьбе и вспоминать не хочу, прямо ножом – по сердцу. Ведь хорошо вспоминать, когда понраву выходят, торжественные идут, радостные, а я венчалась... Правда, Листафоровы и певчих наняли, и ковер для нас застилали, но перед свадьбой к Сеньке друг Яшка Мякота приехал, и он ни во что не верил! Ни в Бога, ни в черта. И вот когда повели нас вокруг аналою-то... И зачем Тихон, деверь мой, потолок за нами со своей Манькой? Повели, значить, вокруг аналою, а Мякота этот хо-оп, да и напялил на Тихона картуз! Я... где была! Чуть память у меня не отшибло, чуть со стыда я не сгорела, аж слезы у меня... А Сенька:

– Ну что ты? Не обращай внимания.

Но как же не обратиться-то! Миг-то какой торжественный: встречают, поздравляют, а Мякота – с картузом этим... Вышли мы из церкви, а я – к нему:

– Яковлич, ну что ж вы это сделали, позор-то какой устроили!

А он:

– Ха-ха! Да это я венец на него... – И опять: ха-ха-ха! Смешно ему! – Ладно, Маня, успокойся, вы хорошо с Семёном жить будете.

Да-а, успокойся! Ведь знакомые пришли, девчата, а он...»

Жили Листафоровы крепко. Две хаты у них было, хозяйство большое держали: две лошади, жеребенок, теленок, овцы, свиньи, две коровы:

«И сколько ж молока давали эти коровы, да молоко-то какое! Пока подоишь, так в доёнке кусочек масла и собьется. Ведь кормили-то их как: поедить, бывало, свекор на базар, да и привезёт сразу пудов тридцать жмыхов из конопли. Набьешь потом ими лоханку, теплой водой зальешь, вынесешь коровам, а потом еще и сена насыпешь, что с заливных лугов, вот и молоко было, как сливки... Много и земли имелось. Как сейчас подъезжаешь к Карачеву, так вся эта горка их была, рожь там сеяли, картошку сажали. И сколько ж работы с этой картошкой было! Посадют ее, заборонуют, взойдет она. Первый раз свекор сохой межи пройдет, потом второй... это когда зацветет, а после него и мы пойдем тяпками окучивать, но зато осенью как уродить, так не зна-

ешь, куда и сыпать, погреба забьем, потом в ямки зарываем.»²⁶

Были у Листафоровых и покосы большие, много сена для скота запасали с бывших помещичьих лугов, которые раньше те сдавали мужикам в аренду, а после революции их у помещиков отобрали, разделили между обществами и Листафоровым достался луг помещика Плюгина:

«А называли его Петлин луг. Боже мой, и какой же он был! Как, бывало, пойдешь туда во время поздней Троицы, а он весь в цветах! Сколько ж их там было! Сейчас такого и не увидишь.»

В новой семье мамы было тринадцать душ, домом управляла свекровь, добрая, умная женщина, и хотя родил она четырнадцать детей, но выжили только мальчики, поэтому мама очень полюбила и часто называла дочкой.

Фото из Интернета

«Бывало, подойдешь так-то ко мне, да и выташшить из фартука булочку, сунуть в мой фартук:

– На-ка, потом съешь. Я знаю, как в чужой семье-то... Сама как вышла замуж, так всё не наедалася.

Её-то отец бондарничал, вот и жили хорошо. Кроме неё, детей у родителей не было, она и привыкла к достатку, а когда замуж вышла, тут-то и пошло всё по-другому, и только,

---

²⁶ ЛохАнка, лохАнь – круглая или овальная посудина из дерева для стирки белья, мытья посуды или других хозяйственных надобностей.

когда вырвется домой, то и наестся яиц, блинов с маслом.»²⁷

Время в те годы было сытное, – тогда же начала разворачиваться новая политика и власть разрешала предприимчивым людям заниматься тем, на что хватало сил, умения, вот и семья отца, в которой было семеро братьев, открыли кузню, в которой папа был за главного, а помогали ему братья Васька, Митька, Колька и Шурик.²⁸

«А жизнь тогда жизнь ключом была, потому что всяк за дело брался умеючи, чтоб с прибылью получалось, вот и хватало при нэпе всего, и деньги твердыми стали, двадцать копеек и то большой вес имели. У меня-то их не было, а если пойду на базар, Сенька и дать мне на булочки, одна булочка пять копеек стоила. У него всегда деньги были, тогда ж в кузне всё мелкое... ведро починить, самовар опаять или лошадь подковать, всё это за деньги делали, а за крупное... колеса оковать, плуг сделать, ось сменить, за это хлебом расплачивались. Видать привыкли мужики, на хлебушко-то верней будить! Ведь до нэпа как было? Нужна, к примеру, тебе коробка спичек, вот и бери скИбку хлеба, и носи. Бывало, идут бабы и всё-ё за плечами узлы нясуть, кто хлеб, кто муку. Особенно при Керенском плохо стало, ведь керенки эти тогда бешеными назывались и до обеда одна цена на них была, после обеда другая, а к вечеру и третья, поэтому-то и меняли всё на хлеб, и при нэпе не кончили с этим

---

²⁷ БондАрничать – делать бочки.

²⁸ *НЭП – с 1921 года – Новая экономическая политика.

делом. Свёкор, бывало, стоит возле кузницы, вешаит муку или зерно и ссыпает в яшшыки, и ссыпает. А яшшыки бо-
ольшие были поделаны, пудов по пятьдесят туда вмешшало-
ся, ну, а как на базар ехать засобирается, тогда опять из них
насыпают и вязуть.»²⁹

Но к зиме работы в кузне становилось меньше и папа, уже в то время имевший первый на деревне велосипед, на-
думал стать шофёром и стал ездить на учёбу в Брянск (40.
км. от Карачева), ведь некоторые его друзья уже с тали шо-
фёрами, уехали в Москву, работали таксистами и хвалились,
что помногу зарабатывают. Проездил он в Брянск всю зи-
му, к весне выдали ему права, присвоив сразу второй класс
и уехал он в Москву, а через несколько месяцев прислал ма-
ме письмо: давай, мол, перебираться сюда жить, – «Он же
Москву эту так любил!» – вот мама и собралась к нему, что-
бы узнать: стоит ли это делать?

«Приехала, как глянула!.. А комнатуха, где живёт, без
окон даже! Нары одни, другие, третьи, отопления вовсе нету-
ти, примусом отапливаются. Семья здесь же живёт, еще ка-
кие-то двое, а Сенька-то меня встретил грязный, помятый
какой-то.

– Что ты, Сень, – спрашиваю, – как головешка то?

– Да это я нонча в кочегарке ночевал, – смеется. Еще и шо-
колад мне принес: – Во, посмотри, тут шоколад дешевый.

---

²⁹ Керенский А. Ф. – видный участник Февральской революции, министр-пред-
седатель Временного правительства.

– Да не хочу я твоего шоколаду! И сохрани меня Господь в этой-то комнатухе оставаться и спать по очереди на полу, на нарах!

– Это все временно, – он-то.

– И не думай, и не мысли, – отрезала ему сразу.

День только и пробыла в этой Москве, уехала, а авскорости и он вернулся.

Много ли заработал?.. Да нет, ничего он там не заработал. А к зиме заехал к нам из Брянска его начальник, где Сенька на шофера учился, и говорить:

– Приезжай-ка ты к нам. У нас сейчас работы столько!.. Машины старые на ремонт из Москвы привозют, хорошо зарабатываем.

Ну, Сенька и уехал в Брянск, а я осталась пока жить у мамы, у нее-то картошка, молоко, яйца... всё это свое было, а я денег расходовала мало, так, на мелочь разную, вот и собрались у меня деньжата. Раз Сенька приезжает и говорить:

– Мария, крепко ж трудно в Брянске с квартирами! Ищу, ищущу и ни-икак не найду, как скажу, что с ребенком, так сразу и отказывают.

А перебираться туда жить мы еще не решили, так, разговоры одни вели. Ведь время-то какое было неустойчивое! Кто ж его знать, куда дальше всё повернёт? Поговаривали: раз буржуев, помещышков разорили, то могут и до нас таких-то добраться. Поэтому Сенька и выучился на шофера... так, на всякий случай. Но профессия хорошо, а жить-

то в Брянске где? Подумала я, подумала и говорю:

– Останемся-ка мы на Ряснике, построим дом, да и корова есть.

А это свёкор нам как-то телочку отдал, подросла она и отелиться должна была скоро. Поговорили мы с ним так-то, и согласился он. А тогда всё для этого было, и лес продавали, и всё, что нужно, вот и срубили нам сруб, тут же кровельшыки пришли, накрыли, ну, а отделявать... Свёкор и посоветовал:

– Что ты сейчас будешь отделявать? Уже холода наступают. Да и постоять хате годика два надо бы, только тогда и достраивать.

На том и порешили.

Ну а в двадцать девятом начали НЭП разорять, хозяев в Сибирь отсылать и даже на такие мастерские, как наша, налоги прислать. Пришел к нам как-то знакомый из правления и сказал: скоро и до вашей семьи доберутся, расходитесь, молодые пусть уезжают, а стариков не тронуть. Вот и разъехались мы. Тихон с семьей ушел жить на квартиру в Карачев, устроился там в пожарку, а мы продали дом, корову и уехали в Брянск. Да и свёкор оставил себе только телочку да поросячка, а кузню – на замок, инструменты – в ящик, вот и все дела. И налог не успели прислать.»

Сворачивание государством НЭПа началось с 1927 года, и специальные заградительные отряды стали блокировать хлебные районы, отбирать хлеб у крестьян, а продажу хлеба

называть «спекуляцией».

«Переехали мы в Брянск, кое-как устроились. И квартир-ку, наконец-то, нашли в две комнатки, правда, крепко ж сы-рая была! Как только весна начиналася, пробивался из-под пола как всеодно ключ какой, и све-етленькая такая водичка бежала, только и знаешь, бывало, затираешь её, затираешь. Сенька шофером стал работать, а тогда шоферы были... все-одно как космонавты, ведь как раз первые автобусы двена-дцатиместные в Брянске появились, под брезентами. Плати-ли ему сорок восемь рублей в месяц, да еще кожаную тужур-ку выдавали и краги. Продуктов в магазинах продуктов бы-ло сколько хочешь и мясо дешевое было, на рубль купишь – за неделю не поешь. Ведь тогда нэп стали ликвидировать, так люди, нябось, и думали: придуть, отнимуть корову, так луч-ше мы самим её... Вот и резали скотину по чём зря. Помню, пришла к нам из Карачева женщины С Рясников и плачить:
– Купите коровку! Молока тридцать литров даётся, жал-ко ж резать-то!

И просила за неё только коротенький старый полушубок. Но куда ж мне было корову ставить?.. И вольница с про-дуктами продолжалась всю зиму, а к весне всё стало пропа-дать. Скот порезали, погубили, порасшвыряли как зря, ле-том остальное подобралось и начался почти голод. Но нам пока еще хорошо было, как раз напротив нашей квартиры коммерческий магазин был, в нем работал китаец, а жил на краю города и, бывало, Сенька возьмёт этого китайца,

посадить рядом с собой и довезёт до дому, а за это тот хлеб нам без очереди продавал. Но через год Сенька ушел с этого автобуса, он же измотался прямо! День ездить на нём, а как ночь – ремонтировать. А товарищ его работал на железной дороге, вот и говорить как-то: переходи-ка ты, мол, к нам, мы свободно ездим в Москву покупать что надо. Ведь в то время-то не каждый то мог ездить в эту Москву, а только по пропускам. Ну Сенька и устроился охранником на поезда. Стало нам повольнее, отдежурить сколько надо, а потом поехать в Москву и наберёт хлеба. Правда, очереди и там были, но разве ж он стоял в тех очередях? Сейчас подойдёт к магазину, расставить мешок, а тут уже и видючь таких... и подходят, продаючь хлеб. А раз и меня с собой взял, крепко ж мне хотелось на Сухаревском базаре побывать! Приехали мы, Сенька пошел по своим делам, а я – на эту Сухаревку. Походила, посмотрела... потом завернула так-то в один переулок, а там этих беспризорных тысячи! Грязные, оборванные, цепляющца ко мне, просяючь, кто прямо на земле ляжить, кто на перинах каких-то. И маленькие, и большие. И компаниями сидячь, и в одиночку. И так страшно мне стало от всего этого!.. А еще жалко. Ну до того жалко, что слезы навернулись. Боже мой! Какое ж несчастье, какое горе согнало сюда детей этих! Зима как раз надвигалася, холодно становилося, а они – раздетые почти... Потом зашли мы к знакомым своим, стала я им все это рассказывачь, а Алешка... он же на железной дороге работал, вот и говорить:

– Куда ж им деваться-то? Раскулаченных везут, дети и убегают. Откуда их только не вытаскиваешь, когда поезд придёт! И из ящиков, что под вагонами, и с буферов, крыш. Кто живой, а кто уже и замерз.

– А что ж матери-то их отпускают? – говорю.

– Да они еще и сами им говорят: бегите, может, спасетесь.

С такими-то впечатлениями и приехала я домой. Говорю потом своим:

– Милые мои детки! Молитесь, чтобы ваших родителей Господь сохранил!

А Сухаревку эту приняла так близко к сердцу еще и вот почему. Как-то Сенькин товарищ уехал в Москву, устроился там шофером в посольстве и всё письма ему писал: хорошо, мол, получаю, хорошо живу. Ну и вздумал Сенька его проведать. А Сеньке моему что посольство, что гараж – всёодно! Поехал к товарищу этому, приходит к посольству и говорить:

– Мне тут пройтись надо.

Милиционер стоять:

– Куда вам пройти?

– Да у меня товариш тут шофером работаить.

– Уходи по-хорошему отсюда, – тот ему.

Сенька опять:

– Да мне надо...

Ну, милиционер и заорал:

– Ты что, дурья твоя башка, не соображаешь, куда про-

сишься? Да если я тебя и пропущу... Видишь, сколько там еще милиционеров стоит?

– Да я только до товарища.

Никак Сенька от него не отцепится, крепко ж ему хочется приятеля повидать!

– Ну, хорошо, – милиционер, наконец, говорить. – Давай твой паспорт.

Сенька сейчас хватъ, и вытаскивайтъ. Позвонил тот. Ш-ш-ш... вот она, черная машина подъезжайтъ. Не успел Сенька одуматься, как его и забрали. И вот тут-то и привели его в посольство! Да разули, раздели, обыскивать стали, и все-то портянки порассмотрели, а какая-то женщина даже к часам его прицепилась, чуть ни разбирать их собираетъся.

– Да что ж вы в часах-то ишшыте? – Сенька смеетъся.

А она как начала его ругать:

– Ну, балбес! Ну, осел! А дети-то у тебя есть?

– А как же... Двое.

– Голова твоя дурья! Ты, хоть, соображаешь, куда попал?

Как начала еще и матом крыть! А он:

– Да выпустите вы меня, наконец, у меня ж мешок там с хлебом стоить!

Ну, все ж отпустили... Отпустить-то отпустили, а потом и началось: как месяц пройдёт и вызываютъ, другой пройдёт, и опять! А как-то раз и предлагають: будешь, мол, помогать нам, так не станем больше допрашивать. Подумал Сенька, подумал да говорить:

– Ну, ладно, буду.

Куда ж от них деться-то? Вот и началось. Как вызовуть, так сразу: ну, что, как, мол, твои товарищи? А он: да там-то пиво мы с ребятами пили, а у того-то водкой угощали. Ладно, пока отпустють. На следующий раз он им опять: а вот такие-то анекдоты про баб рассказывали, вот такими-то ма-тами ругались. Он-то нарочно так, чтоб отстали. Ну, наконец, начальник выматерил его: как был ты, мол, дураком, так и остался. И отпустили.

Да нет, вызывали, вызывали и ишшо, особенно, под праздни-ки. Как приближается какой, так и вотани! Тут-то мой Се-мен и уразумел что к чему, тут-то и разжевали ему, что такое посольство. После этого и боялся за него, да и за всех нас, ведь от них всего можно ожидать! Вон с какими головами умными расправились, а уж с нами такими-то!.. И не заме-тишь, как схапають.»

Есть из жизни папы того времени и такой эпизод, который ярче выявляет его доверчивый, увлекающийся характер:

«Подруга у меня была, Махныриха, и уж очень легко ей жилося! Ни хозяйством она себя не обременяла, ни детьми, как родить какого, так или сестре подбросить, или матери. А еще как-то у нее так получалось, что муж ей и обед сго-товить, и белье постираить, а как копейкой какой разживет-ся, сразу праздник устроить, веселье в их доме закружится. Потом смотришь, денег у нее уже нет, занимать идет. И за-нять легко удавалось. А уж перелюбила скольких! И грузи-

ны, и татары – все ей милы были. Бывало, спрошу: «Ну как ты можешь так, Наташ?» А она: по-другому, мол, и не умею. Завидовала я ей и ча-асто думала: а, можить, и мне так? И вот как-то раз она предлагаить:

– Давай-ка поедем в Крым жить. Мужья наши таксистами работать стануть, а мы – с грузинами развлекаться.

Сенька – за ней:

– А что? Продадим корову, купим машину. Я буду на ней работать, а ты – отдыхать у самого моря. Хватить тебе с этим хозяйством возиться!

И начала я подумывать: а ведь и правда, хорошо бы отдохнуть от коровы, от поросенка, да поехать к морю. Но всё-е во мне вроде как два человека боролися и один из них подталкивал: да брось ты свое хозяйство, заботы эти, поезжай! А другой тянул к чему-то тихому, постоянному. Совсем я расстроилася! Ну, наконец, все ж решила: нет, не поеду я нику-да! Сказала Сеньке:

– Езжай один. Вот тебе дорожка и кати... С двумя-то детьми и мотаться? Хорошо, если это дело удачным окажется, а вдруг так все обернется, что набедствуешься, а потом и вернуться не к чему будить.

Спорили мы, спорили, потом дело и до большого скандала дошло, но всё ж не поехал он, а Махныриха со своим укатила. Уехали они, значить, а я всё-ё так-то и думала: а, можить, они уже легко, весело там жить, и она в золоте да в мехах ходить... И вот однажды является. Бедненько оде-

тая, бедненько обутая, и привозить с собой мясо, в столовку сдавать его собирается:

– Да вот... купила в Орле подешевке.

– А в Крыму-то как? – спрашиваю. – Сколько ж вы денег оттуда привезли?

– А-а, в Крыму неудача. Купил он там машину плохую...

И оказалось, что уже давно в Орёл они перебрались и занялись этим мясом... покупать, продавать, и теперь снова надеется, что деньги к ней рекой потекуть.»

И жили мы в Брянске до тридцать пятого года, а потом... Отец был партийным и однажды его вызвали в Военкомат и предложили ехать в Белоруссию, где начиналось строительство военной базы. А в то время подобные предложения членам партии отклонить было невозможно, вот он и поехал. Прожил там с год, а потом к нему поехала мама, чтобы упросить начальство отпустить мужа, но ей в этом отказали и пришлось семье ехать в Боровку.

«База строилась в лесу. Сосны, ели кругом! А в лес пойдешь, грибов сколько! Как глянешь так-то вверх по горочке, а они стоят себе: грузды, молочанки, волнушки! Ну столько грибов, что тонну, нябось, за день набрать можно было. Платили Сеньке хорошо, он же начальником механизации был, в магазинах всё было: масло, сахар, хлеб вволю, и квартиру нам сразу дали большую, светлую, никогда мы еще в такой не жили. Ну, а потом... Там же сначала гаражи строили, а когда настроили, как понаехали танки! Сразу военные тревоги

завыли и танки как попруть, как заревуть! Ночь—две спишь спокойно и-и опять... А тут же недалеко еще и Польская граница проходила, вот и пугаешься каждый раз: война! А потом еще и аресты начались, ка-ак раз после Первомайского праздника. И охватил всех страх: сиди теперь и жди своей очереди! Как пойдешь Сенька на работу, так и думаешь: вернется ли! А тут еще эти танки... Почти каждую ночь тревоги начались! Ну до того нервы мои расшатались, до того разошлись, что невмочь стало, вот и говорю, наконец, Сеньке: ³⁰

– Знаешь, не могу я больше здесь оставаться. Отпустю тебя, не отпустю, а я всёодно уеду.

Ну, стал тут Сенька говорить начальникам своим, что жена, мол... а его и перевели в Энгельгардтовскую. Дали нам там сначала одну комнату, потом еще две и так хорошо они отделаны были! В магазинах и тут всё было, иногда даже и мануфактуру в магазине давали, но плохо то, что входить-выходить из воинской части можно было только по пропускам. И вот раз Сенька прибегаить и говорить:

– Андрей с Динкой и дочкой на вокзале, надо пропуска брать, за ними ехать.

И оказалось, что Андрей из Сибири удрал, он же там работал секретарём райкома, а когда аресты начались, испугался да уехал. Что делать? Я – к начальнику: так, мол, и так, а он:

– Ну не можем мы...

Знают уже, что Андрей сбежал из Сибири.

---

³⁰ Репрессии 1936—37 годов.

– Да вы что! – кричу. – Я за сестру и Андрея, как за детей ручаюсь! Не дадите пропусков, сейчас же соберемся и уедем.

Но все ж выписали им пропуска. И вот, как пришел Андрей к нам, как сел, так месяц никуда и не вышел... А с Сенькой они дружили, и потому, что Сенька ни слова ему не перечил и, бывало, усядутся за столом, выпьют, Сенька на гитаре брынчать, Андрей – на балалайке, потом и наговориться никак не могут.»

По рассказам мамы о трагической судьбе дяди Андрея я потом напишу целую главу для повести «Ведьма из Карачева», а тогда, в тридцать девятом, – за два года до начала войны, строительство военной базы в Белоруссии закончилось и папе сказали: хочешь, мол, оставайся здесь работать, а хочешь, поезжай в Карачев, там тоже строительство военное начинается. Вот наша семья и возвратилась на родину, где уже дядя Андрей опять работал секретарём райкома, но вскоре его перевели в Хотынец, и мы стали жить в их квартире, папа устроился работать коммерческим директором картонной фабрики, и родители решили снова строить свой дом. Подали заявление, дали им поместье, купили они сруб и вот раз: ³¹

«Достал Сенька машину, чтоб перевезти его, поехал, да и застрял ночью в лесу и к утру не успел на работу. А как раз перед этим указ вышел, что за пять минут опоздания партийных из партии вон, а остальным полгода платить алимен-

---

³¹ Великая Отечественная война 1941—45 годов.

ты по двадцать пять процентов. Ну, алименты, это еще ничаво, а что из партии вон... Если из партии-то выгоню, то и с директорства тоже. Очень он переживал из-за этого, а я всё успокаивала:

– Брось ты, не волнуйся! Ну какой ты коммерческий директор! Это ж надо университеты кончать, а ты какую коммерцию проходил? Иди-ка лучше по своей специальности, шофером.

Ему и Андрей всё советовал: отстань, мол, от этого дела, тебя же обведут вокруг пальца, посадю, дом отнимут и останется Мария с детьми на улице. Ведь совсем он измотался на этой работе! Все лезут к нему, тянуть, что можно... Ну, пока думали-рассуждали, получаем вызов: Сеньке надо в Орел явиться на обсуждение из-за того, что опоздал на работу на 10 минут. Поехал он, а там как устроили ему суд! Они ж умеют это делать, партийцы-то! Отобрали билет, с работы выгнали и до того довели, что приехал мой муж домой и рыдаить. Крепко ж ему обидно: из-за каких-то десяти минут и – такое! Прямо сумасшедшим сделался. Вначале я все успокаивала его, уговаривала, а потом и плюнула:

– Да хватить тебе плакать-то! Проживем мы и без билета партийного, с одного молока проживем.

Я же корову из Белоруссии привезла, и она мне двадцать пять литров молока в день давала. А еще и деньжонок там подсобирала, и вешшычки кой-какие. Бывало, выбросю в магазин мануфактуру или вешшы какие, а я сейчас и возь-

му. Мно-ого кой-чего накупила! Да потом еще в воинской части портная мастерская была, и жена портного ходила ко мне по молоко, так закажу ей что, вот и сошьёт её муж быстро и хорошо. Сеньке костюм сшил, мне пальто, вот теперь нас и выручало это барахло, за них-то я и строилась, ведь вешшы тогда дорогие были. Да и Сенька потом устроился шофёром начальников по колхозам возить, а они как едут туда, так и берут, что им нужно. Ну, ясное дело, и Сеньке кое-что перепало, достанить так-то и сенца подешевле, и отрубей.»

Но потом отец стал работать шофёром в пожарной части, стали мы жить относительно спокойно, но началась война.

«Уже через неделю налетели самолеты на Трыковку и пошло! Бомбы рвутся, дома горять! А Сенька ж в пожарке работал и когда бомбежки начались, дома почти не ночевал, всё дежурил там, но вдруг приехал:

– Собирайтесь! Немец Севским большаком идёт, скоро у нас будить.

Выглянула я в окно, а его пожарную машину люди облепили, как мухи! Что ж мне оставалось делать? Всё оставить, схватить тебя на руки, Витьку, Кольку, кое-как прилепиться на эту машину пожарную и ехать неизвестно куда?

– Не-ет! – кричу: – Куда я поеду? Без денег, без припасов. С голоду помирать?

– Будешь ты рассуждать! Динка уехала, а ты не хочешь?

– Да у Динки муж секретарь партийный, его сразу немцы

хлопнуть! Как им было не уехать? А я не поеду. Тут мы хоть в своем углу, а там что, впереди? – А с машины уже кричать ему, зовутъ. – А-а, что всем, то и нам, – решила, наконец.

Только вот Коля мой... По радио-то всё шумели, что немцы комсомольцев вешают, а он комсомолец. Что делать? Да обмотала ему шею шарфом... как раз ангина у него была, навязала узел с одежкой, денег, какие были, сунула, перекрестила и по-обежал он за Сенькой, вспрыгнул на машину эту пожарную, кое-как прилепился... По-оехал! Уж как я потом страдала по нём! Да как же, бледный, худой, тут бы его горяченьким молочком поддержать, а я... Можить, и не надо было отправлять-то? Ведь маленький бы, ху-уденький, хоть и семнадцатый шел... надеть бы на него штанишки коротенькие, так немец и не узнал бы, что он комсомолец. Но что ж делать-то? Поплакала, поплакала, да и всё. Не вернешь ведь теперь?.. Ну ночь мы кое-как промаялись, а на утро смотрю: немцы в хату валютъ. И выгнали нас на улицу. Просила-просила хоть в коридорчике оставить, но и там не разрешили. Что делать? Да сгородили с Витькой в огороде над нашей ямкой шалаш кой из чего и устроились в нём... Правда, в хату меня пускали, но только прибирать да печку для них вытопить, ведь когда выгоняли, так я переводчику растолковала, что нашу русскую печку топить надо умеючи, а то и дом, и все барахло ихнее погорить...

Прошло с неделю, а, можить, и поболе, а я всё-ё по Кольке плачу: что с ним, где он? А раз к ночи приходит сосед да

говорить:

– Знаешь, под Желтоводьем пожарную машину немцы разбомбили.

Сердце мое так и оборвалось... А вдруг Сенькину? И собиралася бежать туда, но ночь, куда ж итить-то? А утром так-то глядь: Зинка идёть, соседка наша... она вместе с моими уезжала. Я – к ней:

– Зин, ты ж уехала с моими...

– Куда? – она-то. – Отъехали мы за Желтоводья километров десять, а мои и запросили жрать. Что делать? Денег нетути, купить нечего, да и у кого? Там же туча черная народу идёть! Вот и вернулись, тут же и картошка в подвале осталася, и мать.

– Да ты скажи мне, как мои-то?

– Да живы твои, живы, не беспокойся... Говоришь, подбило пожарную машину? Ну, можить, какую и подбило, а твои проскочили... Коля больной? Что ж делать, жаловаться ему теперя некому.

Вот и успокоилася немного... А спасло их вот что, как Сенька потом рассказывал. Поехал тогда с ними приятель один, а жил неподалеку от Карачева, и когда они отъехали чуть, он и стал уговаривать Сеньку: давай, мол, ко мне заедем, наши свинью зарезали, мы ее с собой прихватимм. И уговорил. Поехали они за этой свиньей, задержались до темноты, а ночью и проскочили. Спасла их эта свинья, значить, а те, что раньше поехали, как раз под бомбежку

и попали.»

До сентября 1943 Карачев был оккупирован немцами и естественно, мама об отце и сыне ничего не знала, а когда мы прятались от фашистов в противотанковом рве, который вырыли перед войной возле Карачева, к городу подошли наши войска.

«Встретили мы наших солдатиков в поле, потом пришли к нашей хате, а вместо неё только печка стоит бгорелая, а рядом грушня с черными грушами. Что делать? Да переночевали ночь в немецком бомбоубежище, а наутро побежала я в те домики, что целыми остались... сказали, что там милиция поместилася. Прихожу. И правда, Захаров сидит. Кинулася к нему: ³²

– Можить, знаешь что о моих-то?

А он:

– Живы твои. Муж в пожарных войсках, Коля на фронте и еще живой.

Я как стояла!.. И ты поверишь? Когда услышала это, то большей радости в жизни и не было. Колька живой, Сенька! А что всё погорело... на-пле-вать! Ещё наживем, если мои вернутся...

Ну, стали мы с Витькой и Динкой землянку рыть, кое-как устраиваться, ведь холода скоро, надо ж где жить? А тут и приезжает Сенька. Оказывается, он после ранения и контузий уже в Орле с пожарной частью находился. Спрашиваю

---

³² Карачев был освобождён от немцев 15 августа 1943 года.

о Кольке:

– Сын-то наш... Коля, как?

– На фронте Коля. Пока живой.

Год он ему прибавил да отдал в армию, а потом всё убивался:

– Прослужил наш Коля на подготовке два месяца, приехал ко мне на побывку, а я как глянул!.. Идет мой сын, а автомат у него чуть по земле ни ташшытся. Так сердце мое и замерло. Как же я плакал!

– А чаво ж ты плакал-то? Теперя надо только ждать да надеяться.

Ну, помыкалися мы, помыкалися с этой землянкой, а Сенька и говорить:

– Поедемте-ка в Орёл жить, его меньше разрушили.»

И правда, как в землянке на зиму оставаться? Да собралися и поехали.»

И снова стали мои родители обживаться в Орле. Сняли небольшую комнатку, папе давали паёк американской тушенкой, но там с хлебом было очень плохо, да и надеть было нечего, укрыться нечем, мебели, посуды никакой. И приходилось маме думать: чем бы таким заняться, чтобы на хлеб заработать, который хоть и дорого, но продавали на базаре. И папа предложил клеить калоши из камер. Склеил одну пару, мама понесла её на базар, продала, и этого хватило, чтобы купить пять буханок хлеба.

«Вот так мы и начали... Тогда ж подбитых машин столь-

ко валялося! Пойдешь в поле, наберешь камер столько, чтоб унести под силу, а потом Сенька и клеить из них эти калоши. А клей сам делал. Да хороший такой получался! Как приклеить подошву, зубами не оторвать. Правда, там и до нас эти калоши клеили, но как? Баба какая купить, наденить, до двора не успеить дойтить, а они и разъехались, подошва – себе, ранты – себе. А наши крепко хорошо держались! Вот и обзрели их бабы, да как пошли к нам за ними! Отбою нетути. Копейка и в кармане. А потом на неё и тушенки банку купишь, и хлеба. Еще и насбирала сорок тысяч. надумала в Орле дом покупать. Крепко ж мне один понравился: большой, светлый! Сто тысяч за него просили, и надо было еще сорок подсобирать, но тут получаем письмо из Карачева: если не займете свое поместье, то его отберут. Говорю Сеньке: ³³

– Да как же уступить-то? Езжай, пиши заявление.

И съездил он, написал... А строиться в Карачеве я вот почему решила. Ведь как только Сенька вернулся, так сразу я поняла, что он больной. Уж очень нервный стал! Не подладишь, что и сказать, ты ему – одно, он тебе – другое... Потом и живот у него болеть начал. Как хватить! Умирать прямо. Молока выпить – успокоится. А молоко семьдесят рублей пол-литра стоила, вам-то и не попадало этого молочка, только ему... А раз соседка говорить: тут, мол, недалеко врач хороший живёт, сходите-ка к нему. Пошли... так этот врач с час, должно, с Сенькой говорил. Ну, проводила я его

---

³³ Обзрели – нашли.

домой, а сама спрашиваю: что, мол, с ним такое?

– У него нервная система не в порядке, – врач-то. – Вся расстроена.

Понятное дело. Сенька ж в пожарных войсках всю войну прошёл, а лёгкое ль это дело под бомбёжкой тушить? Тут и без бомбежки попробуй-ка, затуши! Да и контузии у него были, ранение, вот теперь нервы и разошлись. Дал доктор капель, и ты знаешь... как выпил их, так живот больше и не болел, но сразу слабость какая-то на него навалилась, да и с головой что-то не так стало. Другой раз и заплачу: Боже мой, куда ж Сенька мой делся? Раньше-то чуткий был, отзывчивый, а теперь... Не угодишь ни-и в чём! Или всё раздражается, или молчить неделями.

– Что ж ты молчишь? – спрошу так-то.

Заплакать... Жа-алко его станить. Я-то хоть и не любила Семена... Бывало, придёт вовремя с работы – хорошо, а задержится – и того лучше. Это еще характер у меня был не скоглый, только себя и винила, что за него вышла. Бедность, родные советами сбили: да хоть сыта будешь, да хоть о куске хлеба заботиться не надо будить! А-а, и на что она, сытость эта, когда не любишь! И чем дальше, тем больше... Но жалела его, заботилася, детей вместе поднимали, отец-то он был хороший, заботливый, а вот теперь... Ну, думаю, останутся наши детки без отца, и что буду с ними делать на чужой-то квартире? А в Карачеве хоть халупу какую слеп-

лю, да все ж – свой угол. Сказала ему, а он: ³⁴

– Нам и здесь квартиру дадуть.

– Дадуть, – говорю, – жди! Когда ж это будить?

Ведь всё было поразрушено, поразбито, а в Карачеве огород есть, земля, картошку с капустой или овощш какой всегда вырастить можно, как-нибудь, да сыты будем. А здесья что? Виктор как-то кролика купил, посадил его в клетку, хлебом, зернышком кормил, а ему ж трава нужна! Где ж её взять? Выйду на улицу, так даже былинки сорвать негде. Правда. Речка километра за четыре была, но и там трава не росла, так, колючки одни. Вот и сдох этот кролик. А в Карачеве-то такое раздолье! Речка рядом, колодец, и белье тебе пополоскать, и огород полить.

– Да не хочу я ждать квартиры! И не остануся тут ни за что!

Да поехала в Карачев и начала сама соображать строиться. Навозила лесу, срубили мне сруб, а тут Сеньку и перевели из Орла в Брянск, пришлось и нам туда ехать. Наняли мы комнатушку... да и не комнатушку вовсе, а кладовку, да еще какая-то ху-удая была, тут-то заткнешь дырку, глядь, а земля из другой сыпется. И еще клопов в ней было! Ничем не вытравить. Но с год, должно, прожили мы в этом клоповнике, а я всё в Карачев ежжу, строюсь, крышу теперь надо железом крыть, а где его взять-то? Вот и бегала по деревням, чтобы найти, но всё горелый предлагали, а под таким крыша скоро

---

³⁴ Сварливый, скандальный.

начнёт протекать. Но всё же нашла у одной бабы, наняла лошадь, привезла, накрыла крышу, а в хате-то ни окон, ни дверей, ни пола... так, сруб один под крышей. Но и этому была рада, да и свекровь все меня просила: «Манечка, да забери ты меня скорееича отселя в Карачев, хоть картошечки там наемси». А у меня как раз огород поспел, вот я и собралася переезжать, говорю Сеньке: попроси, мол, машину на работе, а он всё тянить да тянить. Ну, тогда пошла к его начальнику, тот и дал. Стали собираться. Грузились, Семен ни слова не сказал... и всю дорогу молчал, и сгружал в Карачеве – тоже ни слова. Так, покидал всё с машины и уехал в Брянск. Вот и стала одна достраиваться. Достала досок, наняла плотников, сделали они мне пол, потолок, рамы. А к рамам-то петли нужны? И снова ходила цельную неделю, чтоб только их достать, но к зиме все ж управилася, в холода только перегородки делала... Ну а вскорости и Сеньку из Брянска отпустили, на работе ж здоровые нужны, а он совсем плох стал. Раньше-то если пойдёт куда, так все бягом, бягом, прямо не успеешь за ним, а теперя еле-еле ташшытся, да и ложиться стал часто. Скажу так-то:

– Ты ж не залеживайся! Не поддавайся болезни, можить, и расходишься.

А он раз пошел куда-то, потом идёт назад и весь в слезах. Что такое? И оказалось, шел он, шел, да и завалился в канаву... и ни-икак из неё не вылезить! Хорошо, знакомый как раз проходил да узнал его: «Сень, да что с тобой?» И помог

ему до хаты добраться. А врачи всё-ё не признают у него ничего, как пойдёт к какому, а тот: симулянт ты! Тогда пошла я к одной старой женщине-врачу и говорю:

– Да какой же он симулянт! Он даже ложку в руке не держит как надо!

Взялася она, обследовала его и сразу дала направление в Москву... как раз май месяц начинался, а я и говорю ему.

– Не ездь, Сень, туда, – говорю, – ничем они тебе там не помогут. Оставайся, будешь корову пасти, на горочке сидеть. Воздух чистый, молочко парное, можить, и поправишься.

– Не-е, поеду. Москва все ж...

Уж очень любил эту Москву!.. Ну, распрошшались мы, по-ошел с Витькой на вокзал. Поглядела я вослед... а он ноги-то заволакивайт, заволакивайт, и сразу для себя определила: пошел в могилу своими ногами... больше никогда сюда не вернется... Ну, а в Москве Семену ещё хуже стало... Лето, томно, да и семьей азлучили, нервы его и совсем разошлись, а потом и ноги отнялись. Ползучая парализация... Ну а осенью управилася с огородом и поехала к нему товарняком, ведь тогда билеты туда только командировочным отпускали, а все остальные, кому что надо было достать... соли там или хлеба, всё по товарнякам мотались, как и Витька мой... Рассказывал, как раз оставался до Карачева километров сорок, а всех и согнали с крыш. Что делать? Поезд то уже уходит! Вот он и прыг на буфера! Прицепился

и поехал. Хорошо, что молодой был, сильный, так что не сорвался, а если б!.. Бывало, так-то поедить куда за хлебом, так и не дождешься! Ни то что дни, а минуты считаешь... Вот и я тогда прицепилась к товарняку и поехала в Москву. Приехала, а у Сеньки уже не только ноги, но и руки отнялись, видать, контузии аукнулись. Да и с речью чтой-то не так стало, сейчас говорить-говорить и вдруг всеодно как подавится. Посидить немного... вроде и отойдётся. А еще по сторонам всё стал озираться.

– Что ты всё оглядываешься-то? – спросила.

– А вдруг кто услышит, о чём говорим? – отвечать, а сам дрожить весь.

Боялся, видать, кого-то. Потом и просить меня стал:

– Возьми меня домой! Возьми, пожалуйста!

А я говорю:

– Сень, хата наша недостроенная, холодная, дров нетути, да и ухаживать за тобой кто будить? Мне-то и достраиваться надо, и поесть достать.

– Ничего, я и в холодной полежу, – он-то. – А еды мне теперь мало надо.

– Ладно, – говорю. – Подумаю.

И подумала. И с врачами посоветовалась, а старая врачиха и говорить:

– У него болезнь прогрессирует, он скоро даже глотать не сможет, и что вы тогда делать будете? Конечно, здесь его вам до поезда отвезут, а дома? Няню наймете?

– Ка-акую няню? – я-то. – У меня и денег-то всех, что детям на буханку хлеба да на билет обратный.

А тут ещё учебника какого-то тебе не хватало, он как раз и попадись, теперя, значить, и на буханку хлеба не осталось. На другой день пришла к Сеньке и говорю:

– Ладно, Сень, приеду домой и начну соображать, как тебя привезти. – Ляжить, плачить. – К весне возьму, а сейчас... Холода скоро начнутся, а тут тепло, чисто, ухаживают за тобой, кормют, поют, а у меня что? Ни дров нетути, ни хлеба, ни денег.

Уговорила кое-как, распрошшались... За всю зиму так и не собралась к Сеньке съездить, но сначала он писал, всё хоть что-нибудь, да нацарапать, а к весне... Я одно письмо туда, другое, – нет ответа. Но потом всё ж получаю, но от медсестры: ваш муж, мол, писать уже не можить, говорить – тоже, да и кормют его машинкой специальной... Посажают, нябось, как утёнку какому. Ну, что ж теперича делать? Ни-ичего не поделаешь, моя милая, и никуда от горя не денешься. А через месяц поехал мой Коля в Москву документы в институт отвозить, остановился у родственников да задержался чтой-то, нет и нет его. Но приезжайте, наконец.

– Ну, как отец? – спрашиваю.

Ничего не ответил. А мне в голову и толкнуло: помер, должно... И тут слышу:

– Мама, я тебе не написал, прости... Отец умер. Я знаю, что ехать тебе не на что, вот мы с дядей его и похоронили.

И было это как раз в воскресенье, а во вторник Николай должен был в Москву опять ехать, экзамены сдавать. А денег-то у меня ни-и копейки, и продать нечего. Остался, правда, пинжак Сенькин суконный на овчинном меху, зимой им только и спасался, надо его... а Коля:

Мой отец, Сафонов Семён Афонасьевич (1903—1947)

– Мам, ну продашь ты, а дальше-то что? Я же всё равно не смогу учиться на одну стипендию.

– Поезжай, сынок, – говорю. – Поезжай! Лишь бы только в институт прицепился, а там дело видно будить.

И пошла на базар с пинжаком этим. Пошла, а у самой комок в горле... и никому не сказала, что Сенька мой помер, а то, думаю, начну рассказывать, да и разревуся, и всё мое дело пропало, не продам пинжак. Но все ж продала... последнюю свою одежду и его память, пришла домой и тут-то только наревелася, что осталася вдовою с тремя детьми, как и мамка моя. А что поделаешь, милая? Надо опять крутиться, вас кормить, обувать-одевать, надо жить.»

Так и жили мы без отцовской помощи, трудно жили, зачастую впроголодь, но у мамы была одна цель: выучить детей, ибо она, неграмотная, знала, что без образования и профессии жить трудно.

«Бывало, Сенька так-то и скажить:

– Ну что ты привязалась к этому ученью, что в нем пользы-то? Вон, у нас инженер ученый, а одни штаны все лето носить.

– Но когда-нибудь ученые вес возьмут, – я-то ему.

Сама-то неграмотная была, и вот как же трудно приходилось, на каких только работах не работала! И пеньку трясла, и снег чистила, и торф рыла. Бывало, сгружаем так-то дрова на железной дороге, а к нам подойдёт начальник да как начнёт матом крыть: быстрее, мол, так вашу, перетак вашу, топчитесь, как мокрые курицы! А какая-нибудь хоть и три класса кончила, а сидеть себе в чистенькой канцелярии в тёпленьком да в сухоньком и улыбается, как кукла какая. Поэтому-то и хотела детей выучить, всё-таки в тепле да в чистоте сидеть будете.»

Поэтому-то старший брат Николай вскоре и поступил в институт, уехал в Ленинград, и как бы ни трудно маме не было, но «сбивалась копейкой» и помогала ему. А Виктор вначале пошёл работать корреспондентом в районную газету, потом тоже поступил в Ленинградский Университет на заочное отделение, закончил его и работал в газетах, а когда подросла я, то тоже заочно окончила Ленинградский институт Культуры. Так что осуществила мама свою мечту, – непременно дать детям образование, – и то был её, вдовий, подвиг.

МОЯ МАТЬ, САФОНОВА МАРИЯ ТИХОНОВНА

Маме было четырнадцать лет, когда свершился большевистский переворот, так что все перипетии и страдания, которые обрушили коммунисты на Россию, прошли через её жизнь. И все же дожила она до поры, когда начал рассыпаться «лагерь социализма», – когда уже не выходила из дома, а нужно было идти голосовать, то всё волновалась: как бы ей проголосовать за Ельцина? И пришлось брату вызывать к ней «ходоков» с бюллетенем. В те годы, я уже жила в областном центре (в 40. км от родного города), но когда приезжала в Карачев, то записывала в тетрадь, а иногда и на репортёрский магнитофон короткие рассказы мамы. И делала это для своих детей, но спустя несколько лет подумалось: а не «сшить» ли из них некое «лоскутное одеяло», которое послужит не только моим детям, но и тем, кто захочет узнать, как жилось простому человеку при социализме? И спустя несколько лет появится повесть «Ведьма из Карачева», в которой сохраню местный выговор и в которой – не только жизнь мамы, но и то, что происходило вокруг неё, а в этот текст возьму только те эпизоды, которые наиболее ярко освещают её жизнь.^{35 36}

---

³⁵ Большевистский переворот в ноябре 1917 года.

«А родилася я в тысяча девятьсот третьем году и как говорила моя мать, голова у меня была ясная, так что помнить начала рано. Нябось, годика три мне только было, когда отец привел к нам в хату молодого учителя, и звали его Ваней. Привёл, значить, стал тот у нас жить, и я сразу к нему привязалася. Полюбил и он меня, бывало, залезем с ним на печку, вот и начнёт книжки читать. А во интересно! Слушаю-слушаю, да и засну. А еще помню, у него над кроватью иконка висела, и горела перед ней негасимая лампадка. Горел лампадик этот, горел, а иногда, как и затухал всеодно. Тогда забиралася я на кровать, палочкой скапывала нагар с фитилька, лампадик опять загорался ярко-ярко, и свет в хате такой радостный становился, такой торжественный!.. Потом учитель этот начал часто уходить куда-то, я очень скучала по нём, а когда возвращался, мамка качала головой и всё-ё так-то говорила:

Моя мама, Сафонова Мария Тихоновна (1903—1994)

– Погибнешь ты, Ваня.

Мне за него становилось страшно, и я всё спрашивала:

– А чего ты погибнешь?

– Хожу я, Манечка, поздно по улице, – он-то, – а там темно, вот мамка твоя и боится за меня.

И вот раз пришел этот Ваня домой, да и потушил лампа-

---

³⁶ * «Борис Ельцин (1931—2007) – Первый Президент Российской Федерации, в ноябре 1991 – июне 1992 года одновременно возглавлял «правительство реформаторов».

дик, а икону снял. Мамка заплакала:

– Что ж ты сделал! Значить, антихристу предался?

А я так напугалась! Ведь картинки-то для детей тогда какие страшные рисовали: ад крошечный и черти в нем кубуруются. Как посмотришь на картинку на эту, так сразу мурашки по коже и продырять. Вот и показался мне теперича Ваня таким страшным, что больше к нему не подошла. Зоветь, бывало, а я всё-ё убегаю. Вечерами всё так же он уходил куда-то, а потом и уезжать стал... и на день, и на два, на неделю, а когда приезжал, усаживались они с отцом за стол и подолгу разговаривали. Я, конечно, не понимала их разговору, а вот только помню, как Ваня так-то и скажить:

– Мне на вашей станции садиться нельзя, тут жандармерия.³⁷

Тогда отец запрягал лошадь и вёз его до другой станции, километров за тридцать та от нас была. И вот раз уехал этот Ваня и больше не возвратился. Но письмо потом прислал: пишеть, мол, вам Ванька Крымкин... это они с папашкой так условились, что если жандармы его схватють, то он так о себе дасть знать. И больше никогда мы его не видели и ничего о нем не слышали.

...По мамкиной линии все грамотные были, прадед мой даже писарем в волости служил, поэтому Писаревыми нас и звали, а так фамилия наша была Болдыревы. Уж как потом от службы ушли и осели на земле, не знаю, но грамо-

---

³⁷ По-видимому, находился в розыске.

ту не бросили. Бывало, в праздничный день сходятся к обедне, а потом – читать, дедушка – Библию, бабы – Акафист. Они-то к обедне не ходили, надо ж было готовить еду и скоту, и всем, поэтому толкуются так-то на кухне, сестра моя двоюродная Дуняшка Акафист им читать, а они и подпевают: «Аллилуйя, аллилуйя... Го-осподи помилуй...», вот так обедня на кухне и идёт. И у отца моего сколько ж разных книг было! Помню, лежали на грубке и все – в золотце... И не только грамотными Писаревы были, но старались что-то новое схватить. Помню, дед первым на деревне лампу семилинейную купил, так кто не зайдёт к нам, так и ахнуть: о-о, свет-то какой яркий! Ча-асто мужики дивиться на неё приходили, и наши уже под лампой под этой, а не под лучиной и пряли, и дела все делали. А потом дед и самовар привез. Бо-ольшой! Ведра на полтора, должно... Потом, когда без папки остались, мы с Динкой даже похлёбку в нем варили. Мамка-то бывало уйдёт на работу, а мы – картошки в него, воды и если чеснок есть, так это совсем хорошо, а когда подруга селедочную голову принесёт, то и вовси праздник. Сварим, а потом рушники привяжем к ручкам, всташшим на печку и сидим, черпаем и едим. И соседские дети, и мы...»^{38 39 40}

---

³⁸ Грубка – полка на печке.

³⁹ Семилинейная керосиновая лампа – фитиль по ширине равен семи линиям или примерно 18 мм.

⁴⁰ Похлёбка – суп из картошки с луком.

«... Много работы у мужиков всегда было. Помню, как покосы начнутся, жатва подойдёт!.. Ох, и трудная ж это работа была – хлеб убирать! Его ж только зорями косили, а если лунные ночи, то и ночами. Днем-то рожь жёсткая становилась, а зорями и ночью влага колосок схватываить и не даёть осыпаться, вот поэтому и жали, когда роса выпадить. Ну а бабы так уж и старались к утру перевёсел накрутить из хорошей соломы и вот бывало заткнешь их за пояс, сожнёшь рожь, свернешь сноп граблями, свяжешь перевеслом иставишь, свяжешь и ставишь... и так часов до трех, пока жара не вспечёт, а спадёт, и опять пошли. Но снопы вязать – это ишшо ничаво, можно было, а вот серпом жать... во когда лихо было! Жали-то серпами днем, в самую жару, когда роса сойдёт, ведь если утром начнёшь жать, так от росы сразу вся мокрая станешь. Потом, когда мы без отца остались, мало ржи сеяли, так обобьем ее с мамкой пральником, вот и весь урожай, а Писаревы мно-ого сеяли! Бывало, как пойдём им помогать и до того руки исколем, что аж напухнуть. И жили они крепко. Двор у них был просторный... конюшни, закутки, подвал, да не один, а недалеко от дома рига стояла, амбары и когда муку смелють, там и хранить. Да и крупу там же рушили, масло отжимали, так и стоял на кухне бочонок с конопляным маслом. А скотины сколько у них было! Три лошади, две коровы, овцы, свиньи, жеребенок, телята и ну-ка, попробуй накормить-напоить это стадо! Вот и сеяли гречиху. Да в два-три срока, какая лучше уродить, и солому

гречишную на корм скоту запасали.^{41 42}

Фото из Интернета

...Жили мы хорошо, пока был жив отец. Две хаты у нас было, одна – где сами жили, готовили скоту корм, воду обогревали, а другая – где гостей встречали, праздники праздновали. Да и подворье было большое: штук десять овец, гуси, свиньи, три лошади, две коровы и нас, детей, не молоком, а только сливками поили, кашу, и то на них варили. Как вспомню сейчас ту манную кашу!.. Ох, и вкусна ж была! А было нас четверо деток у родителей, два мальчика и две девочки. Еще и дедушка с нами был, а вот бабушку не помню, маленькая была, когда та померла. Отец тоже часто ездил в извозы и когда возвращался, то всегда гостинцев нам привозил, а для мамки вынимал из кармана деньги, и как начнёт сыпать на стол золотые пятерки, а они блестять, как живые!..

...Раз вечером играем мы с братцем и Динкой на дороге, ждем отца с извозу... А у него лошадь была с белой залысиной, далеко-о видать было, вот и на этот раз играем и вдруг показалась она в конце улицы. Встретили мы отца, а он подъехал к хате и сразу в дом пошел. Бывало-то, потормошить нас, посмеется, а тут даже коней отпрягать не стал и только сказал нам:

– Возьмите, дети, гостинца... там, на повозке...

---

⁴¹ Перевёсло – жгуты из соломы.

⁴² ПрАльник – изделие из дерева для выколачивания воды из белья.

Достали мы гостинцы, заходим в хату, а отец уже на кровати ляжить. Мы – к нему, а он и говорить мамке:

– Дуняша, уведи детей.

Ну, а потом жар с ним приключился, да такой, что весь красный сделался. А у нас в сенцах всегда сквозняк дул... одна-то дверь во двор вела, а другая – на улицу, и вот отец ка-ак всхватится да на этот сквозняк! Там же ветерок, ему видать на нём и лучше, а мать – за ним:

– Тиша, что ж ты делаешь!

Ну а он уже и не помнить... Через день вовсе ему худо стало, метался, бредил. Привезли батюшку, причастили, по-соборовали... стала у него и память отходить. Мать позвала нас, пла чить:

– Дети, молитесь...

Стали мы молиться, пала я на коленки и вот как сейчас помню! Гляжу на Божью Матерь и кажется, что выходить она из кивота и смотреть на меня жа-алосливо так... но ничего не говорить. Как стало мне страшно! И тут мать позвала опять:

– Дети, идите. Отец благословить вас хочить.

Стояла она у изголовья, держала икону в руках... подошли и мы, а папашка посмотрел-посмотрел на нас какими-то глазами мутными, а потом поднял руку да как толкнёт меня! Упала я, испугалася, заплакала... но тут все забежали, засуетились, мамка обмерла, а я всё-ё никак не могла успокоиться и заливалася слезами... папашка-то так меня любил,

а вот теперича и оттолкнул.

Ну, пошили нам серенькие платьца с черными обирочками, купили черные платочки, купили и по новым ботинкам, а в Чистый Четверг, под Пасху, отца хоронили. Было жарко. Гроб забили, и мы всё плакали:

– Зачем закрыли нашего папашку, зачем?

Но приехал батюшка, дьячок певчий, батюшка дал нам по красному яичку, мы и успокоилися. Дети... много ли им надо?

...Прошло с полгода, как остались мы без папашки. Наше хозяйство разваливалось. Одну лошадь мать продала еще на похороны и другую тут же, вскорости. А лошадь эта горячая была, норовистая, бывало, поведёт её отец к колодцу поить, так крепко за узду держать, а то если вырвется, лови тогда! Вот дедушка и не мог с ней ладить, а мать и подавно. Осталася последняя... Как-то поехал дед пасти ее позади нашего огорода, пас, пас, да и заснул. Старенький же был... Ну, лошадь эта возьми да забреди на барский луг, а там караульшык как раз был, и такой свирепый, паразит! Наскочил на дедушку и избил его. Приехал тот домой, да и захаркал кровью. А тут же и по сыну всё скорбел! Вот и зачах, и помер вскорости. А через несколько месяцев помер наш маленький братик, вот и осталася вдова с тремя детьми... и пришлось продать последнюю лошадь. Ну, пока запасцы были, жили мы неплохо, а вот когда закончились, то пошла мамка работать на пенькотрепальную фабрику. Бывало, уйдёт

утром, а мы одни на целый день и останемся, выскочим с Динкой на улицу и кажется: сейчас вернёмся, только к подруге сбегает, а та и позовёт куда-нибудь, и подались по заречью, в рошшу. Как завихримся!.. Где-нибудь вспомним: а Коля-то, братец наш... как один дома? Он же совсем ишшо маленький был. Да как пустимся домой! Прибьгим, а он или заснул, или сидеть на дороге в песке играть, или вовси куда уплёлся, хата-то наша раскрытая и стоять... а сколько ниш-ших пройдёт за день? Зайдуть, нябось, увидють, что никого нетути, да и стащуть что-нибудь. Мамка другой раз как схватится: и того нетути, и того. Ругать начнёт:

– Дети, надо ж закрывать хату! Не оставляйте дверь настеж!

Плачем, обещаем, а уйдёт на фабрику, мы – опять... Вот и стало так, что ни надеть нечего, ни обувь и зимой всё на печке сидели, а как только снежок сойдёт и по-ошли босиком! Бегаем все лето, так потом ноги аж черными станут и всёодно, как лакированные, цыпки заведутся. Другой раз нагреть мамка воды, начнёт их нам мыть, а мы плачем, кричим! Больно ж... Но потом смажить маслицем конопляным и а во приятно станить! Так до пятнадцати лет и ходила, если мамка сгондобить что из своего старого платья, то и ладно. И только когда подрастать стала, подарил мне солдат, что стоял у нас на квартире, ботинки свои старые и вот радость-то была! Ботинки-то большие, крепкие, так я что? Стельки туда, портянки одни, другие и как придешь в них

на работу, так ноги прямо горять! И вот в таких-то ботинках я и ходила года четыре, пока свататься стали. ⁴³

...Мне тогда шёл девятый год... ну да, в одиннадцатом году это было, и в ту пору мамка на пенькотрепальную фабрику ходила, и вот раз приходит с работы и говорит:

– Пора и тебе, Маня, на работу.

И повела меня на бахшу. Подошли к бахшевнику, а он как начал матом садить:

– Тудыт-твою-растудыт-твою! Не успеют выскочить, а им уже работу подавай! Что я, манную кашу ей варить буду, что-лича?

А я стою и думаю: видно и вправду я такая уж никудышная. Но взял. И как же тяжело было на этой бахше работать! Бывало, начнется сбор огурцов, так цельными днями спину не разгибаешь. А надсмотрщик следом ходить и если заметить, что огурец пропустила, сорвёт его да как даст им в спину! Аж подскочишь. А когда полоть начиналось, садка капусты... Ведь воду для поливки надо было таскать из речки, да по два ведра сразу, и бывало, девчата, что постарше, обгоняют нас, маленьких, когда побежим в сарай за ведрами, похватывают себе те, что поменьше, а нам и останутся большие, вот и таскаем их потом. Да все ж босиком, босиком. Бяжишь рано утром на эту бахшу, а трава росная по ногам так и хлышшыть, так и хлышшыть! И это еще ладно... летом-то, а в августе, во когда лихо от этой росы было!

---

⁴³ Сгондобить – сделать, сшить, собрать из чего-то.

Она ж хо-олодная, долгая! Только, бывало, и поглядываешь на небо, когда ж это солнышко-то пригреть, чтоб её высушило!.. Но одна радость мне всё ж запомнилася, как первую получку дали. И всю – гривенничками новыми. Завязала я их крепко в косячок, пошла домой и от радости-то не шла, а бежала, да не улицей, а по заречью, там же крепко хорошо было летом ходить! И вот, помню, пройду немного, сяду, развяжу платок и начну считать: нет, не хватает одного гривенника! Стану искать... а трава ж кругом! Ползаю, ползаю по ней: ну где ж я его обронила? Ничего не найду, заплачу, пойду назад, пройду сколько-то, остановлюсь: дай-ка пересчитаю! Сяду, развяжу косячок... Теперь лишний. Обрадуюсь!.. А потом и подумаю: откуда ж лишний-то? Он же не мог обсчитаться, хозяин-то? Снова начну считать: или все, или не хватать... Так до самого до дома и мучилася. Ну, наконец, пришла, стала мамке рассказывать, а она:

– Господи, какой же разум-то у тебя еще... Да завязала б покрепче в узелок и шла спокойно.

Ну, как же спокойно-то? Эти ж гривеннички новенькие блестящие – труд мой! Как же на них смотрела, как любовалася ими!

...Ходила я и грамоте учиться. Как сейчас помню: стоять учительница, а дети подходят к ней по одному и кланяются. Подошла и я, но не поклонилася, а руку ей протянула. Протянула руку, а она так-то посмотрела на меня да говорить:

– Руку учительнице подавать нельзя.

И не подала. Ка-ак все засмеялся! А мне и стыдно стало. И невзлюбила её сразу. И до самого конца ученья своего так ни разу к ней и не подошла с вопросом каким. А писали мы в школе грифелем на дощечках, чуть побольше тетради те были и в рамочке деревянной. Зададут тебе на дом столбик или два, вот и считаешь, а потом сотрешь тряпочкой и опять... Напишешь, закроешь ее и несешь в школу. И выучилась я писать букочки, а к холодам... До холодов-то ходила в школу в ботиночках таких, как шелковые всеодно были, вот и изнашивались быстро, надо обувку новую покупать, одёжу, а за что? Мамка и говорить:

– Хватить, выучилась. Похлебку сварить и неучёная, а в церкви поминанье как-нибудь найдешь. Куплю я тебе книжку, вот и учишься по ней.

Ну, просидела я зиму дома, а к весне ноги у меня и отнялись, стал всеодно как отсиделые. Всё лето и пролежала. Мать-то на работу ходить, а Динка с братцем укрутятся на улицу, вот я цельный день и одна. Придуть так-то вечером соседи:

– Ну, Дунь... как она?

– Да ляжить, не поднимается.

И еще монах к нам ходил, здо-оровенный такой был, плечистый. Нестором звали. Придётся, станить возле печки и глядеть на меня. Гляну и я на него тахто, а у него глаза голубые-голубые! Другой раз и с час простоить возле меня, а мамка и спросить:

– Что ты, Нестор, смотришь-то на нее?

А он:

– Да ничаво, ничаво Ляксевна... – А говорили, что он так лечил: – Манечка твоя хорошая... выдержится она, Ляксевна, выдержится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.